

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ПИСЬМА Е.М.ХИТРОВО
К П.А.ВЯЗЕМСКОМУ

Петр Андреевич Вяземский Письма Е.М.Хитрово к П.А.Вяземскому

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24525879

Аннотация

«Остафьевский архив, хранящийся в ЦГАЛИ (фонд № 195 И. А., А. И., П. А. и П. П. Вяземских), по праву может быть назван неисчерпаемой сокровищницей драгоценных сведений о больших и малых звездах, блиставших и мерцавших в первой половине XIX века на литературном небосводе России. Вокруг звезд вращались сонмы спутников, и хоть светились они отраженным светом, без них история русской литературы была бы лишена оттенков, интересных деталей...»

Петр Вяземский

Письма Е. М. Хитрово

к П. А. Вяземскому

Остафьевский архив, хранящийся в ЦГАЛИ (фонд № 195 И. А., А. И., П. А. и П. П. Вяземских), по праву может быть назван неисчерпаемой сокровищницей драгоценных сведений о больших и малых звездах, блиставших и мерцавших в первой половине XIX века на литературном небосводе России. Вокруг звезд вращались сонмы спутников, и хоть светились они отраженным светом, без них история русской литературы была бы лишена оттенков, интересных деталей. Один из таких спутников – Елизавета Михайловна Хитрово, преданный друг Пушкина, друг почти всех его друзей, в том числе и П. А. Вяземского. Та самая Элиза Хитрово, история отношений которой к Пушкину по установившейся традиции рассматривается обычно в анекдотическом плане, и вместе с тем та Элиза Хитрово, которой Пушкин написал столько серьезных длинных писем обо всем, что волновало его, – о событиях во Франции и Польше, о своих литературных делах, о новых книгах и журналах, выходивших за границей (большую часть которых Пушкин получал от Хитрово). Хорошо запомнились и часто цитировались насмешливые стихи о ней:

Лиза в городе жила
С дочкой Долинькой.
Лиза в городе слыла
Лизой голинькой...

И действительно, кто только не издевался над ее склонностью чрезмерно оголять свои пухлые плечи. А вместе с тем один из самых злых острословов, П. А. Вяземский, безжалостно окрестивший чувство Хитрово к Пушкину «языческой любовью», писал в своей «Записной книжке»: «В числе сердечных качеств, отличавших Е. М. Хитрово, едва ли не первое место должно занять, что она была неизменный, твердый, безусловный друг друзей своих. Друзей своих любить немудрено, но с ней дружба возвышалась до степени доблести...» (П. А. Вяземский. Собр. соч., т. 8. СПб, 1883, с. 494). Вот что писала Хитрово Пушкину, убедившись в том, что он решил жениться: «Но рано или поздно Вы всегда найдете во мне и для Вас, и для жены Вашей, и для детей – друга, непоколебимого, как скала, о которую все разбивается... Рассчитывайте на меня на жизнь и на смерть, располагайте мною во всем и без стеснения...» (Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Труды Пушкинского Дома, вып. XLVIII. Л., 1927, с. 178).

Дочь прославленного полководца Михаила Илларионовича Кутузова Елизавета Михайловна вышла в 1802 году замуж за любимого адъютанта отца Ф. И. Тизенгаузена. Счастье ее было недолгим. Со знаменем в руках Тизенгаузен пал

на поле Аустерлица. У молодой вдовы остались две дочери – Екатерина и Дарья. В 1811 году Елизавета Михайловна снова вышла замуж. Ее второй муж, генерал-майор Н. Ф. Хитрово, в войне 1812 года участия не принимал: был слаб здоровьем. Получив от дочери сообщение о ее намерении вторично выйти замуж, М. И. Кутузов писал ей 13 августа 1811 года: «Я долго соображал, кто же мой зять, и наконец, разыскал его в своей памяти: молодой человек, статный, немножко хилый...» (там же, с. 151). О «хилости» своего зятя с оттенком насмешки пишет Кутузов дочери и в письме от 2 октября 1812 года.

Перейдя на дипломатическую службу, Н. Ф. Хитрово получил пост русского поверенного в делах во Флоренции, где и умер в 1819 году, оставив изрядное количество долгов, если верить свидетельству всезнающего московского почт-директора А. Я. Булгакова. Е. М. Хитрово продолжала жить за границей, где положение, занимаемое ее мужем, дало ей возможность завязать и поддерживать связи со знатью большинства европейских государств. В 1821 году она выдала свою младшую дочь Дарью замуж за графа Карла Людвиг Фикельмона, австрийского посланника во Флоренции, а затем в Неаполе. Но навсегда покинуть Россию Хитрово не собиралась. В 1823 году она прожила несколько месяцев в Петербурге, что помогло ей восстановить знакомства в свете и поправило имущественное положение семьи.

В 1828 году Хитрово окончательно возвратилась в Рос-

сию и вскоре после назначения мужа младшей дочери австрийским послом в Петербурге поселилась в доме австрийского посольства на Английской набережной. Старшая дочь ее, Екатерина Федоровна, фрейлина императрицы Александры Федоровны, жила в Зимнем дворце. В доме на Английской набережной провела Хитрово то десятилетие, которое связало ее имя с именами интереснейших людей того времени.

Можно говорить о сосуществовании тогда в доме на Английской набережной двух салонов: матери, Елизаветы Михайловны Хитрово, и дочери – блистательной Дарьи Федоровны Фикельмон, Долли, «посланницы», названной М. А. Цявловским «женщиной исключительной красоты, редкого ума и большого духовного изящества». Мать и дочь собирали у себя цвет петербургского общества, писателей, поэтов, ученых. П. А. Вяземский писал в своей «Старой записной книжке»: «Утра ее (впрочем, продолжавшиеся от часу до четырех пополудни) и вечера дочери ее, графини Фикельмон, неизгладимо врезаны в памяти тех, которые имели счастье в них участвовать. Вся животрепещущая жизнь европейская и русская, политическая, литературная и общественная, имела верные отголоски в этих двух родственных салопах. Не нужно было читать газеты, как у афинян, которые также не нуждались в газетах, а жили, учились, мудрствовала и умственно наслаждались в портиках и на площади. Так и в этих двух салонах можно было заpastись сведе-

ниями о всех вопросах дня, начиная от политической брошюры и парламентской речи французского или английского оратора и кончая романом или драматическим творением одного из любимцев той литературной эпохи... А что всего лучше, эта всемирная, изустная, разговорная газета издавалась по направлению и под редакцией двух любезных и милых женщин...» (П. А. Вяземский. Собр. соч., т. 8, с. 493).

К сожалению, из несомненно обширной переписки Е. М. Хитрово с П. А. Вяземским сохранились ничтожные крохи. Очевидно, основная часть переписки Хитрово после ее смерти (она умерла в 1839 году, пережив Пушкина на два года) была увезена ее дочерью Д. Ф. Фикельмон за границу. Два письма Хитрово к П. А. Вяземскому были опубликованы его сыном, П. П. Вяземским, в переводе на русский язык (П. П. Вяземский. Собр. соч. СПб, 1893, с. 531). Сличение опубликованного П. П. Вяземским перевода с сохранившимся письмом Хитрово подтверждает мнение И. В. Измайлова, считавшего переводы в издании П. П. Вяземского неточными, а иногда и неверными. Небольшая выдержка из письма Хитрово к Вяземскому от 12 сентября 1830 года (обнаруженного в Остафьевском архиве) была опубликована в «Литературном наследстве» (т. 58. М., 1952, с. 100), причем при прочтении письма были допущены некоторые неточности.

Из публикуемых нами новых двух писем Хитрово к Вяземскому (ф. 195, он. 1, ед. хр. 2986, лл. 1-1 об., 15-16) одно вообще до сих пор не привлекло внимания исследователей,

быть может, потому, что Вяземский сделал на нем пометку, могущую быть понятой двояко: «Ея матери Хитровой». Почерки матери и дочери имеют некоторое сходство, и письмо было приписано Д. Ф. Фикельмон. Другое письмо было напечатано автором данной публикации в 1972 году в приложении к «Литературной газете» и «Литературной России» – «Пушкинский праздник». Следовательно, если до сих пор были известны три письма Хитрово к Вяземскому, сегодня мы насчитываем уже пять (и надеемся на дальнейшие находки!).

Два последних письма Хитрово к Вяземскому интересны со многих точек зрения, но главная их ценность в том, что они связаны с Пушкиным, проникнуты заботой о том, кого Хитрово называет «наш общий друг». Оба письма относятся к тому времени, когда Пушкин был женихом Н. Н. Гончаровой, то есть к 1830 году. Между письмами – поездка на Полотняный Завод, ссора с будущей тещей, вынужденная разлука с невестой. Заботы, горести, тревоги. Но нельзя забыть, что венчает этот период знаменитая Болдинская осень.

Первое из публикуемых писем – листок, на котором карандашом, небрежно, набросано несколько полустершихся строк на французском языке:

«Доли поправляется, но еще слаба. Сегодня вечером она принимает – приходите обязательно. Скажите также об этом брату предмета моего обожания. Мне нужно п[ереговорить] с ним. Доли будет у меня в три.

Благодарствую за то, что Вы сообщили мне о дне рождения Пушкина. Я ничуть не удивлена тем, что день его рождения приходится на духов день. Более того, я нахожу, что иначе и быть не может».

Посредине листка вырезан квадратик (размером 4,3×5,2 см). Перевернем листок. Над вырезанным квадратиком профиль, рисованный пером. Классический профиль античной камеи, гибкая длинная шея. Подчеркнутая темной штриховкой высокая грудь. Неужели магическое перо Пушкина? Кажется, да? Но как попал листок в его руки?..

28 февраля 1830 года Вяземский покинул Москву и родное Остафьево. Он приехал в Петербург хлопотать об устройстве на государственную службу. Ему уже под сорок. За короткое время своей дипломатической карьеры в Варшаве он успел заслужить немилость Александра I и великого князя Константина Павловича, не говоря уже о своем непосредственном начальнике Н. Н. Новосильцеве. Дипломата из него не вышло. С тех пор прошло около девяти лет, а он все не у дел. Николай I по примеру Александра I считает его вредным вольнодумцем. А дети растут. Имения не приносят дохода. Денег не хватает. Он готов служить хотя бы по Министерству юстиции. Однако Николай I полагает, что самое подходящее место для поэта – Министерство финансов. В ожидании назначения тянутся томительные дни. Их скрашивают посещения Вяземским дома австрийского посольства

на Английской набережной.

26 мая 1830 года Вяземский писал из Петербурга в Москву жене, Вере Федоровне Вяземской:

«...Десять часов вечера. А пишу тебе при свечках только так, по привычке, а то светлехонько. Обедал я у Пушкина Серг[ея] Льв[овича]. Сегодня минуло 31 год жениху. По-сылаю тебе для потехи письмо Герминии. Нужны комментарии. Во-первых, у нас утренняя переписка по газетам, которыми она меня снабжает. 2) Doly – графиня Фикельмон, по православному Дария. Она было вчера очень занемогла. 3) Я поздравлял сегодня Герминию с новорожденным, писал ей, что доньне не знал я, что они близнецы с духом (духов день). Но ее ничем не удивишь. Подобно Каталани, которая всякую похвалу себе, как ни будь она через край, принимала за чистую монету, так и Хитрово, когда идет дело о Пушкине. Она точно видит перст божий в соединении этих двух праздников...» (Звенья, т. VI. М.-Л., 1936, с. 258–259).

Выяснив, что письмо Хитрово, которое приводилось выше, было послано Вяземским из Петербурга жене «для потехи», добавим, что «брат предмета моего обожания» – Лев Сергеевич Пушкин, тогда поручик Нижегородского драгунского полка, служивший на Кавказе и мечтавший вырваться оттуда. Получив в декабре 1829 года отпуск, он прожил зиму 1830 года в Москве, а в марте уехал в Петербург. Пушкин снабдил его рекомендательным письмом к Хитрово.

Требует некоторых комментариев и письмо самого Вязем-

ского. Написано оно 26 мая, в день рождения Пушкина, совпадавший с церковным праздником «духовым днем», который Хитрово перевела на французский язык как «le jour de Saint Esprit», а «Esprit» значит не только «дух», но и «ум», «разум». В этот день у отца поэта, Сергея Львовича, уже пили шампанское за здоровье жениха и невесты. Герминией, именем одной из героинь «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо, безнадежно любящей равнодушного к ней Танкреда, называли Хитрово за ее самозабвенное преклонение перед Пушкиным. Упоминание об «утренней переписке по газетам» говорит о том, что Хитрово снабжала иностранной литературой не только Пушкина, но и Вяземского в бытность его в Петербурге, и записку ее, очевидно, принес Вяземскому вместе со свежей газетой лакей из австрийского посольства. Анджелика Каталани (1780-1849) – итальянская певица, концертировавшая в России, восхищавшаяся пением московских цыган. При имени Каталани невольно вспоминаются пушкинские строки, адресованные Зинаиде Волконской:

Не отвергай смиренной дани,
Внемли о улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

Еще в конце марта 1830 года Пушкин писал из Москвы в Петербург Вяземскому: «Жену твою вижу часто, то есть

всякий день» (Собр. соч., т. 9. М., 1977, с. 297.). Дружеским отношениям между Пушкиным и В. Ф. Вяземской положило начало проведенное вместе лето 1824 года в Одессе, куда Вяземская привозила лечиться своих младших детей. И если в марте 1830 года Пушкин бывал у Вяземской «всякий день», то и после переезда ее с детьми в подмосковное Остафьево они продолжали встречаться. Несомненно, Вера Федоровна дала прочитать ему присланное мужем письмо Элизы Хитрово, и они вместе над ним посмеялись. А затем... Затем, быть может, по просьбе Вяземской Пушкин нарисовал на обороте профиль своей невесты. 29 июля Пушкин уже из Петербурга писал Наталье Николаевне, что и Хитрово «заставила меня нарисовать ваш профиль» (там же, с. 325).

Насчитывается четырнадцать портретов Натальи Николаевны, рисованных Пушкиным с 1830 по 1836 год. Почти все они носят более интимный характер, они эскизнее, лиричнее. Обнаруженный портрет отличается от них некоторым элементом «парадности», и хотя нарисован он, очевидно, в гостиную Веры Федоровны, его нельзя отнести к тем портретам, которые Т. Г. Цявловская назвала «рисунки за беседой». Он тщательнее отделан, фон старательнее заштрихован.

А что было на кусочке бумаги, вырезанном под портретом Натальи Николаевны? Какая-то надпись? Или рисунок? А быть может, автопортрет Пушкина? Вопрос остается без ответа. Но не исключен случай, что когда-то где-то будет

обнаружен рисунок Пушкина на клочке бумаги размером 4,3×5,2 см с обрывками французских слов, написанных карандашом на обороте:

...arler...

...heures...

...avoir...

Обратимся теперь ко второму письму, написанному Хитрово примерно через полгода. (Орфография подлинника сохранена без изменения.)

11 Octobre [1830]. St. P[etersbourg]

Voici un petit mot de l'ambassadrice – Alme[i]da part demain – mais depuis longtemps détroné. L'amiral Codrington et son fils ont été en grande faveur mais le dernier bateau à vapeur les a enlevé.

Nous sommes tous consternés de vos nouvelles de Moscou – l'absence de l'Empereur vous expliquera mon inaction en faveur de Mons. Glinka – j'ai déjà échoué en partie auprès du G. Duc que le prince Galitzin a très mal prevenu contre lui – Je ne me découragerai pas.

Par des nouvelles indirectes je sais il y a huit jours – qu'à cette époque – notre commun ami se portait bien – mais dans ces temps de désolation, ce n'est point une garantie et pour être un peu rassurée je le voudrais auprès de son père à Pskoff.

Mais où en est-il de son mariage?

Quand revenez vous? Pendant que nous prions pour vous donnez nous de vos nouvelles.

Quelle folie et quelle faiblesse a notre pauvre Dolgorouky de consentir au mariage d'Alexandre. C'est vouloir propager ou plutot *perpetuer* les mauvais ménages.

Перевод:

11 октября [1830] С-П[етербург].

Вот записочка от посланницы. Альмейда отбывает завтра, но уже давно развенчанный. Адмирал Кодрингтон с сыном были в большом фаворе и отплыли с последним пароходом.

Мы все подавлены Вашими московскими новостями. Моя бездеятельность в отношении г-на Глинки объясняется отъездом государя. Я уже потерпела частичное поражение у великого князя, которого настроил против него князь Голицын. Но надежды я не теряю.

Дней восемь тому назад я косвенным путем узнала, что в ту пору наш общий друг был здоров, но в эти тяжелые времена ни за что нельзя ручаться, и я бы немного успокоилась, лишь удостоверившись, что он у отца в Пскове.

Ну, а как обстоят дела с его женитьбой? Когда Вы приедете? Сообщите о себе, а пока мы молимся за Вас.

Какое безрассудство и слабость проявила наша милейшая Долгорукова, согласившись на брак Александра! Это значит потворствовать несчастным бракам, вернее, множить их!

Хитрово начинает свое письмо с сообщения последних петербургских новостей: на днях отбывает Альмейда – член

бразильской дипломатической миссии в Петербурге, тот «бразилец», о котором Долли Фикельмон писала Вяземскому, что он «очень спешит, опасаясь эпидемии» (ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2939, л. 2). Уехавший адмирал Эдвард Кодрингтон (1770-1851), участник морского сражения в Наваринской бухте в 1827 году, действительно был в 1830 году в Петербурге в большом фаворе. Среди «знатнейших особ», присутствовавших на званом обеде в честь 100-летия со дня учреждения лейб-гвардейских полков Измайловского и Конного, «Санкт-Петербургские ведомости» упоминают 22 сентября и «великобританского вице-адмирала Кодрингтона». Что касается его сына Вильяма Джона Кодрингтона (1800-1884), он «прославился» в России позднее – в 1856 году, в бытность свою главнокомандующим английской армией в Крыму.

«Московские новости», тревожащие Хитрово, – начавшаяся в Москве холерная эпидемия. Уже с 27 сентября «Московские ведомости» начали печатать сведения «О состоянии города Москвы», в которых сообщалось количество заболевших и умерших. В Москве было неспокойно. 31 октября Вяземский писал в своей «Записной книжке»: «В самом деле любопытно изучать наш народ в таких кризисах. Недоверчивость к правительству, недоверчивость совершенной неволи к воле всемогущей оказывается здесь решительно. Даже и наказания божия почитает она наказаниями власти. Во всех своих страданиях она так привыкла чувствовать на себе руку владыки, что и тогда, когда тяготеет на народе десница

вышнего, она ищет около себя или поближе над собою виновников напасти. Изо всего, изо всех слухов, доходящих от черни, видно, что и в холере находит она более недуг политический, чем естественный, и называет эту годину революцией»... То говорят, что на заставах поймали переодетых и с подвязанными бородами, выбежавших из Сибири несчастных 14-го, то, что убили в Москве великого князя, который в Петербурге (П. А. Вяземский. Записные книжки. 1813-1848. М., 1963, с. 202). «Несчастливыми 14-го» в данном случае Вяземский называет участников восстания 14 декабря 1825 года, то есть декабристов.

Московское начальство пребывало в растерянности и пыталось скрыть от народа размеры начавшегося бедствия. Не на высоте оказался московский генерал-губернатор Д. В. Голицын. Неожиданный приезд в Москву 29 сентября Николая I следует объяснить не только склонностью его к театральным эффектам, но и трезвой оценкой создавшегося в Москве положения. «Народ подавлен и раздражен», – писал 9 декабря 1830 года Пушкин Хитрово из Москвы, куда он возвратился 5 декабря из Болдина, прорвавшись через несколько карантинных пунктов (Собр. соч., т. 9. М., 1977, с. 355).

Отъезд из Петербурга Николая I помешал хлопотам Хитрово за Сергея Николаевича Глинку (1776-1847), цензора, уволенного от службы за то, что он пропустил напечатанную в прибавлении к № 10 «Московского телеграфа» заметку «Утро в кабинете знатного барина», поводом к которой

явилось пушкинское послание «К вельможе». Обращаясь к Хитрово с просьбой помочь С. Н. Глинке, Вяземский писал: «А. С. Пушкин заинтересован в том, чтобы Глинка не погиб совершенно за опрометчивость, в которой был обвинен...» (Русский архив, т. II, 1899, с. 83). О встречах Пушкина с С. Н. Глинкой упоминается в письмах последнего к Вяземскому. В одном из них он пишет: «Стихи [Н. М.] Шатрова читали мы с нашим Байроном – Пушкиным. Он одобряет их...» (ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1732, л. 8). Вряд ли есть основания причислить С. Н. Глинку к близким знакомым Пушкина. Единственное известное письмо Пушкина С. Н. Глинке от марта 1836 года – это короткая просьба сообщить адрес его брата – Федора Николаевича (Собр. соч., т. 10. М., 1978, с. 260). Быть может, факт существования цензора С. Н. Глинка Пушкин считал лишь одной из досадных жизненных необходимостей. В письме от 14 августа 1825 года он писал Вяземскому: «...и нет над тобою как бы некоего Шишкова, или Сергея Глинки, или иной няни Василисы, чтоб на тебя прикрикнуть...» (там же, т. 9. М., 1977, с. 179). Однако, считая себя косвенным виновником беды, постигшей С. Н. Глинку, Пушкин почел своим долгом помочь незадачливому цензору. Быть может, для Пушкина имело значение и то, что С. Н. Глинка был братом близкого ему по духу декабриста Ф. Н. Глинки, сосланного в Петрозаводск, затем жившего в Твери и окончившего свои дни в родовом имении Сутоки Смоленской губернии. Оба брата были причастны к ли-

температуре: Ф. Н. Глинка еще в 1815 году издал свои «Письма русского офицера», он автор известных песен «Вот мчится тройка удалая» и «Не слышно шума городского»; С. Н. Глинка написал огромное количество пьес и поэм, некоторые из которых представляют его «Записки о 1812 годе».

Вся эта история имела для С. Н. Глинки благополучный конец. Хитрово ловко действовала через А. Х. Бенкендорфа, и несмотря на препятствия, чинимые великим князем Михаилом Павловичем и Д. В. Голицыным, С. Н. Глинка желаемую им пенсию, в конце концов, получил.

Остается сказать несколько слов «о нашей милейшей Долгоруковой», урожденной графине Васильевой (1781-1860), вдове генерала от инфантерии С. Н. Долгорукова, сподвижника М. И. Кутузова. Это о ней 9 декабря 1830 года Пушкин писал Хитрово: «Возвратившись в Москву, сударыня, я нашел у кн. Долгорукой пакет от вас – французские газеты и трагедию Дюма...» (там же, с. 355). Сын Е. А. Долгоруковой, Александр Сергеевич, собирался жениться на дочери московского почт-директора Булгакова Ольге. И мрачные предчувствия Хитрово относятся, очевидно, не только к его свадьбе. Е. А. Долгорукова дала согласие на нежеланный для нее брак сына. Пришлось и Элизе Хитрово примириться с женитьбой Пушкина. Через три недели после свадьбы Долгорукова, 18 февраля 1831 года, в церкви Вознесения, у Никитских ворот, Пушкин обвенчался с Натальей Николаевной Гончаровой.